

306 1113
ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.
III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 32

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915
6 АВГУСТА.

Рис. Ре-ми.

НОВЫЯ ВЪЯНІЯ.

Бюрократъ: — Боже мой! Что теперъ прочно?! Можетъ быть, за Думу удержимся?!

НА БЕРЕГАХЪ ЛЕТЫ.

Харонъ: — Ой, сколько ихъ! Если такъ пойдетъ дальше, Лета выйдетъ изъ береговъ.

НОЧНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Разсказъ Арк. Аверченко.

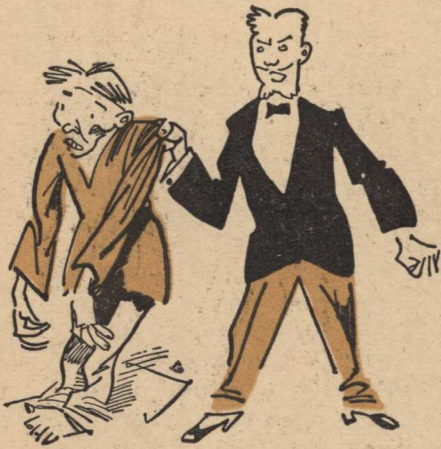
Иллюстраціи А. Радакова.

I.

Было два часа ночи.

Сидя за письменнымъ столомъ и сжимая голову руками, Чихаевъ старался успокоить самъ себя:

— Ну, ничего... Вывернусь какъ-нибудь! Совру, что ли. А, все-таки, свинство: воображаю ее, бѣднягу, бѣгающей по огромному залу «Альказара» и ищущей меня, своего законнаго мужа. Свинство, въ сущности, такъ подводить. Что бы ей такое размазать?..

... Чихаевъ появился въ кабинетѣ, таща могучей рукой за шиворотъ тщедушнаго, блѣднаго человѣка, босого и въ поношенномъ платьѣ.

Жена внимательно взглянула въ мужа и потомъ, всплеснувъ руками, приблизила къ нему возмущенное лицо:

— Ну, это, знаешь ли... Можно быть нахаломъ, но не до такой же степени... Ты?! Ты?! Ты былъ въ «Альказарѣ»? Ты мнѣ говоришь это въ глаза? Ты это говоришь

... Въ передней слышалась какая-то возня, а потомъ черезъ двѣ минуты въ кабинетъ вошла оживленная, запыхавшаяся Анна Григорьевна.

— Ты уже дома?

Неожиданный приливъ вдохновенія покрылъ чуть не съ головой полусоннаго Чихаева.

— Да-съ, уже дома, — сухо сказалъ онъ. — Нечего сказать, хороша! Гдѣ изволила прогуливаться до сихъ поръ?! Сговорились вѣдь быть въ «Альказарѣ». Я сижу, сижу тамъ, жду ее, какъ дуракъ, а она...

мнѣ, которая, какъ дура, ходила между столиками, торчала въ вестибюлѣ, какъ какая-нибудь шансонетка...

«Не прошло», скорбно подумалъ мужъ и, сразу же измѣнивъ тонъ, весело засмѣялся.

— Ну, ладно ужъ, пошутить, пошутить. Дѣйствительно, я такъ заработался за столомъ, что, когда посмотрѣлъ на часы, то... Ты ужъ прости меня, голубокъ.

— Такъ-съ, — саркастически сказала жена. — Значить, ты разсчитывалъ такъ: если я почему-нибудь не была въ «Альказарѣ», то твоя ложь сошла бы, какъ по маслу, а если я тебя ждала тамъ и поймала сейчасъ на лжи, то ты... ну, просто скажешь: пошутить, моль...

— Ну, да ладно, ладно... Конечно, пошутить. Серьезно, заработался. Ты ужъ не сердись...

— Что бы тебѣ другая жена за это сдѣлала? — добродушно засмѣялась Анна Григорьевна, щелкнувъ мужа по носу. — А ты погляди на меня: весь вечеръ потеряла — и хоть бы что!.. Да еще, кромѣ того, вѣрю, что ты былъ дома.

— Аня! Клянусь тебѣ нашей любовью... Тссс!.. Ты слышишь? Что-то, какъ будто, упало?

— Гдѣ?..

— О Боже мой! Въ ванной комнатѣ... Я ясно слышала. Деревянный стукъ... Термометръ какъ будто упалъ.

— Ну, разъ термометръ падаетъ, — сострила жена, — значить, въ ваннѣ стало холоднѣе. Трусишка ты!.. Ну, пойди — посмотри.

Чихаевъ рѣшительно всталъ и пошелъ въ ванную. Понеслось щелканье выключателя, потомъ какой-то ревъ, брань, и черезъ минуту Чихаевъ появился въ кабинетѣ, таща могучей рукой за шиворотъ тщедушнаго, блѣднаго человѣка, босого и въ поношенномъ платьѣ.

— Вотъ-съ, — сказала Чихаевъ, стараясь удержать прыгающую нижнюю челюсть. — Имѣю честь рекомендовать.

Анна Григорьевна вскрикнула, отодвинулась немного и со страхомъ спросила:

- Кто это?
 — Кто? Хе-хе... Ты их никогда живых не видела?
 — Да кто это, Господи? ..
 — Воръ, пташечка моя, воръ.

Анна Григорьевна закрыла руками лицо и пронзительно взвизгнула:

- Боже! Воръ?! Чего же ты его не убиваешь?
 — Ужъ такъ тебѣ сразу и убить человѣка! Достаточно будетъ, если посидитъ шесть мѣсяцевъ. Ты какъ попалъ въ квартиру, негодяй, а?
 — Ключомъ, — неохотно отвѣтилъ воръ, всматриваясь въ потолокъ. — Отпустите, господинъ. Вѣдь ничего же не взяли! Чего жъ тамъ, Господи, держать человѣка!

— Вотъ я тебѣ покажу, какъ держать человѣка. Тебя подержутъ не по-моему... Аня! Я около него побуду, а ты пойдй — позвони въ участокъ. Пусть тамъ пришлютъ, кого надо.

Анна Григорьевна бокомъ, стараясь держаться подалеже отъ блѣднаго человѣка, прошмыгнула въ дверь, а Чихаевъ толкнулъ оборванца въ кресло, самъ сѣлъ на диванъ и сухо сказалъ:

- Подожди. Сейчасъ тебя возьмутъ.

II.

Воръ молчалъ, о чемъ-то думая. Наконецъ, разомкнулъ губы.

- Эхъ, вы, — проворчалъ онъ. — Такая красивая у васъ жена, а вы ее, чортъ знаетъ, на кого мѣняете...
 — Ш-ш-што? — изумленно прошипѣлъ Чихаевъ.
 — Вотъ вамъ и что. У этой и фигура есть, и лицо, а Модзелевская — что? Пичуга какая-то, пиголица... Ни рожи, ни кожи... Только что полка...

Чихаевъ бросилъ быстрый взглядъ на дверь, за которой скрылась жена, и какъ тигръ прыгнулъ на оборванца.

- Ты?! Ты! Откуда ты знаешь про Модзелевскую?!
 — Подумаешь, важность — откуда. Знаю. У нея нынче весь вечеръ проторчалъ, а женѣ говорите: «за письменнымъ столомъ сидѣлъ»... Вы думаете, не слышалъ? Изъ ванны слышалъ. Хмъ!.. Письменный столъ, нечего сказать.
 — М-молчи, чортъ! Жена можетъ войти!

— Съ какой мнѣ радости молчать!.. Вы меня въ тюрьму сажаюте, а я молчать долженъ? Нѣтъ, братикъ, не на дурака напалъ. Придетъ жена — сейчасъ же все ей расскажу... И что вы каждый день на Фурштатскую ѣздите, и что кульки съ виномъ ей таскаете, и что...

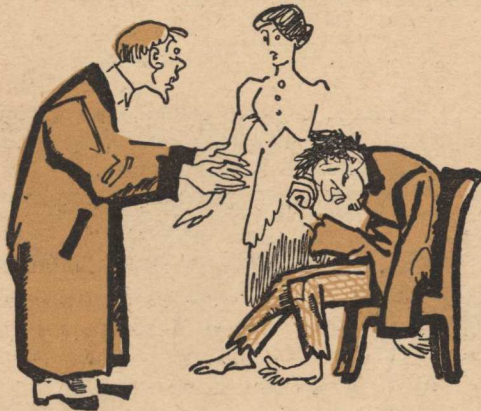
- Молчи, проклятый! Ты... значить, слѣдилъ за мной? ..
 — Такое наше дѣло. Иначе какая же работа!..

Воръ хмурился, но держалъ себя спокойно. Чихаевъ же бѣгалъ по комнатѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

- Послушай ты, рвань... А если я тебя отпущу...
 — Ну?
 — Ты будешь помалкивать?
 — Что жъ... Буду.
 — Тсс... Жена!

Анна Григорьевна вошла въ кабинетъ и, остановившись у окна, принялась съ ужасомъ, жаднымъ любопытствомъ и отвращеніемъ разглядывать вора...

— Представь себѣ, Анюта... Сейчасъ безъ тебя тутъ я съ нимъ разговаривался. Гм!.. Понимаешь, ихъ вѣдь положеніе тоже не того...
 — Что такое?
 — Я говорю: въ сущности, надо войти и въ ихъ положеніе. Работы нѣтъ, волчий паспортъ, отовсюду гонять... Вѣдь могъ бы быть полезнымъ, всѣми уважаемымъ членомъ общества.

— Смотри! Уже плачетъ. Развѣ негодяй, развѣ злодѣй будетъ плакать?

- Могъ бы, — подтвердилъ воръ.
 — Видишь? На лицѣ его написано искреннее раскаяніе.
 — Да... раскаяніе, — обиженно пробормотала Анна Григорьевна. — А самъ хотѣлъ насъ обокрасть.

— А знаешь ты, что онъ хотѣлъ украсть? Хотѣлъ, говоритъ, пошарить въ буфетѣ чего-нибудь съѣстного... Вѣрно, Сергѣй?

- Понятно, — согласился воръ.

— Ужасъ, ужасъ... 12 дней человѣкъ не ѣлъ... Ты подумай!.. Да доведись это до меня... Въ головѣ отъ голода туманъ, въ ушахъ шумъ, ничего не соображаешь...

Воръ утеръ кулакомъ сухой глазъ и равнодушно всхлипнулъ.

— Смотри! Уже плачетъ. Развѣ негодяй, развѣ злодѣй будетъ плакать?

— А у него нѣтъ ножа?

— Что вы, сударыня, — не разслышалъ воръ. — Маковой росинки не было.

— А дома у него хворая мать, старушка, которая не надышится на своего первенца...

— А какъ же я... уже полицію позвала, — пролепетала Анна Григорьевна, немного смущенная.

— А я сейчасъ позвоню туда, что вышло недоразумѣніе, что — чья-то глупая шутка... Однимъ словомъ, придумаю...

Чихаевъ двинулся къ дверямъ; жена сдѣлала инстинктивное движеніе испуга.

- А какъ же... я...

— А ты тутъ посиди съ нимъ... Да не бойся! Сергѣй! Надѣюсь, ты себѣ ничего тутъ не позволишь?..

— Будьте покойны, — завѣрилъ совсѣмъ пріободрившійся Сергѣй. — Могила!

- Что это... могила? — спросила жена.

— У нихъ такой терминъ есть... аргю ихнее. Ну, я иду звонить...

III.

Анна Григорьевна робко присѣла на подоконникъ и, закутавшись въ платокъ, застыла такъ.

— Я думалъ — вы срейфите нынче, сдадите, — вдругъ началъ воръ быстрымъ шопотомъ. — А вы молодцомъ! Ловко все обставили. Люблю такихъ бабъ!

— Об... ставила? — вздрогнувъ, обернулась къ вору Анна Григорьевна. — Что вы такое говорите?

— На ура, я говорю, пошли. И какъ вы это догадались, что онъ въ «Альказарѣ» не былъ? На рискъ, какъ говорится, пойдено...

— На какой рискъ? — смутилась Анна Григорьевна. — Я васъ не понимаю.

— Да вѣдь вы тоже въ «Альказарѣ» не были, — сказалъ воръ, серьезно на нее поглядывая.

- Какъ такъ — не была?! А гдѣ же я, по-вашему, была?

— У Трепакина вы были, у господина. У Петра Николаича. Въ ихъ квартиркѣ на Загородномъ, уголъ Бородинскаго...

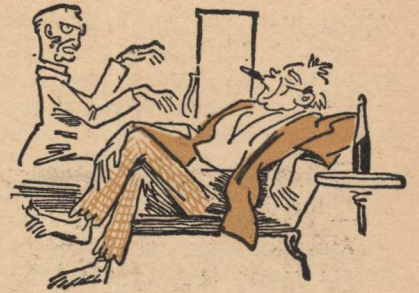
— Лжете вы! Я даже не знаю, о комъ вы это говорите...

— Эхъ, милая барыня! Да второй-то мѣсяць вы къ кому же ѣздите? Подъ видомъ, будто въ кинематографъ? Что жъ тутъ отказываться. Не хорошо. И я видѣлъ, и товарищъ мой Пришей-два видѣлъ... Такое ужъ наше дѣло, извините.

Анна Григорьевна спрыгнула съ подоконника и, подбѣжавъ къ вору, схватила его за руку.

— Надѣюсь... мужу-то вы этого не наболтали? Смотрите-ка: я вѣдь согласилась, чтобы васъ отпустить.

— Вотъ что, барыня, — холодно началъ воръ, опустивъ рѣсницы. — Наша работа не хуже другой. Больше мѣсяца мы съ Сенькой на вашу квартиру потратили, а вы... чортъ васъ надраль вернуться раньше! Всю работу нашу проваляли... Значить, такъ мѣсяць и пропалъ? Хоть убытки покройте. Не до жиру, быть бы живу.

— Не важно. Трам-блямъ какой-то. „На сопкахъ Манчжуріи“ изобразите, вотъ это я понимаю.

— Двадцать пять довольно?
— И колечко это. Мужу скажете: похудѣли, съ пальца соскочило... Идетъ!

Испитой молодой человѣкъ быстро спряталъ въ карманъ пиджака и то, и другое и обернулся къ входившему мужу.

— Ну, что? Успѣли?

— Успѣлъ. Сказалъ, что пріятель захотѣлъ подурачиться. Извинился, и все тутъ. Ну, а теперь иди, Сергѣй. Постарайся начать хорошую жизнь.

— Мнѣ ѣсть хочется, — сказалъ Сергѣй. — Дѣйствительно, когда видишь, что господинъ какой-нибудь везетъ кульки съ провизіей...

— Постой, постой... Мы тебя сейчасъ накормимъ... Анюта, посмотри, тамъ, кажется, что-то есть... въ буфетѣ.

— Сію минуту, — сказала покорная Анюта и, опасливо поглядѣвъ на двухъ мужчинъ, вышла.

— Чортъ тебя тянетъ за языкъ, насчетъ кульковъ... — недовольно пробормоталъ Чихаевъ.

— Къ слову пришлось. Я бы и выпилъ чего-нибудь. Коньяку нѣтъ ли?

— Еще чего захотѣлъ! Откуда я тебѣ коньякъ возьму?!

Анна Григорьевна вошла, неся на подносѣ холодную телятину, сыръ и начатую коробку сардинъ.

— Мадамъ! — сказалъ Сережа, подвигая къ себѣ телятину. — Нѣтъ ли коньяку? Тутъ, говорятъ, на Загородномъ, уголь Бородинскаго хорошей коньякъ водится...

— Есть у насъ, конечно, есть, — торопливо сказала Анна Григорьевна. — Я сейчасъ.

IV.

Послѣ третьяго стаканчика коньяку, Сережа откинулся на спинку дивана и, ковырнувъ ногтемъ въ зубахъ, спросилъ:

— Кто на пианино играетъ?

— Я немножко играю. Только оно разстроено.

— Подумаешь, важность! Меня столько по ухамъ били, что я ужъ никакого расстройства не слышу. Сыграйте, господинъ.

— Неужели онъ тутъ и будетъ такъ валяться? — спросила, нахмурившись, жена.

— Что ты, братъ, выдумалъ — ночью играть! Поѣлъ ступай домой.

— Эхъ, — мечтательно сказалъ Сережа, — слышала я на Фурштатской одну барыню. Въ окно. Маленькая такая. Маленькая, маленькая, а играетъ такъ, что...

— Что тебѣ сыграть? — отбросивъ стулъ, спросилъ хозяинъ.

— Это ужъ дѣло ваше. Почуднѣй что-нибудь. Чтобы ногтемъ по сердцу скребло.

Закусивъ губу, подошелъ Чихаевъ къ пианино и, взявъ нѣсколько аккордовъ, заигралъ «Ноктюрнъ» Шопена.

Сережа слушалъ, закинувъ голову на спинку дивана. Раскрылъ слипшіеся глаза и критически улыбнулся.

— Неважно. Трамъ-блямъ какой-то. «На сопкахъ Манчжуріи» изобразите, вотъ это я понимаю.

— Не играю!

— Извольте, я спою, а вы однимъ пальцемъ подберите — штука не большая... Тара-лямъ, тара-лямъ, памъ-ба-рамъ...

На второмъ колѣнѣ глаза Сережи сладко сомкнулись, и голова тихо склонилась на диванное сидѣнье.

V.

— Спать?

— Спать.

— Эхъ, — прошепталъ Чихаевъ, — съ какимъ бы я удовольствиемъ ошпарилъ эту жульническую морду кипяткомъ!

— Вотъ тебѣ разъ! А самъ давеча расхныкался надъ нимъ... Мама, да членъ общества... Чего же тогда полицію не позвать?

Чихаевъ промолчалъ.

— Неужели онъ тутъ и будетъ такъ валяться? — спросила, нахмурившись, жена.

— Вотъ бы по этой проклятой храпящей глоткѣ ножомъ ка-акъ чикнуть!

— А теперь мы съ вами поговоримъ.

— А давеча коньякомъ поилъ. Шопена ему игралъ. Нашелъ тоже меломана.

Чихаевъ молча прошелся по кабинету. Губы его и руки дрожали.

Вдругъ круто повернулся, подошелъ къ женѣ, упалъ передъ ней на колѣни и со стономъ сказалъ:

— Не могу больше! Можешь бросить меня, разлюбить, но я не могу больше терпѣть этого. Все тебѣ расскажу. Дай только слово, что простишь — сейчасъ же все расскажу!..

— Яша! Ты меня пугаешь...

— Аня! Клянусь тебѣ, нѣтъ ничего серьезнаго!.. Видишь ли... Я немного увлекся этой... Модзелевской. А этотъ негодяй видѣлъ, какъ я къ ней ѣздилъ на Фурштатскую (о, клянусь тебѣ, что ничего серьезнаго!). И вотъ... когда ты пошла къ телефону... онъ припугнулъ меня, что расскажетъ тебѣ все... Аня! Аня! Не презирай меня... Клянусь тебѣ, это — пустяковое увлеченіе... Я тебя обожаю!..

Жена стояла, скрестивъ руки, строгая, суровая, какъ неподкупный судья... Наконецъ, изъ груди ея вырвался тяжелый вздохъ.

— Яковъ! Это за все, что я тебѣ сдѣлала; за мое чувство, за мою предан... Что это, онъ, кажется, шевелится?

— Какое! Спать проклятое животное, чтобъ ему больше не просыпаться!..

— Постой! Хорошо... О тебѣ поговоримъ потомъ... А сейчасъ сплавимъ этого... Позови швейцара и дворника, а самъ уйди въ спальню.

— Почему... уйти въ спальню?

— Подумай, какъ разъярится этотъ человѣкъ, когда увидитъ, что ты его предалъ... Вдругъ бросится на тебя и... Нѣтъ! Хотя ты и обидѣлъ меня кровно, я не допущу этого!

Мужъ вышелъ на площадку лѣстницы, тихонько позвалъ швейцара, далъ ему соответствующія распоряженія и потомъ робко вошелъ въ кабинетъ.

— Готово. Сейчасъ возьмутъ.

— Ступай въ спальню.

VI.

— Ну, ты... Заспался... — сказалъ дворникъ, давая Сережѣ подзатыльникъ. — Вставай, иттить надо-тъ.

Сережа вскочилъ какъ встrepанный и, оглянувшись, сразу оцѣнилъ положеніе. Нахмурился.

— Продали, черти. Ну, да все равно ужъ, берите.

— Мужъ мнѣ все рассказалъ, — скрестивъ на груди руки, призналась Анна Григорьевна. — И я ему все рассказала. Теперь насъ не напугаете!

— Семейка! — подмигнулъ Сережа и покорно отдался въ руки швейцара и дворника.

* * *

Чихаевъ, сидя въ спальнѣ на краешкѣ кровати, печально дожидался, пока все кончится тамъ, въ кабинетѣ.

Наконецъ, голоса затихли...

Черезъ минуту въ спальню вошла жена.

Уперевъ руки въ бока, долго и молча глядѣла на мужа уничтожающимъ взглядомъ.

Наконецъ, вымолвила чеканное:

— А теперь мы съ вами поговоримъ.

Аркадій Аверченко.

ПРОСТИ.

Дымится, пламенем играя,
Костеръ изъ зданій и садовъ —
Столица Западнаго края,
Царица польскихъ городовъ.
Завтра древніе соборы,
Подъ звонъ бутылокъ и мечей,
Займутъ разнузданныя своры
Вооруженныхъ палачей.
Услышать пьяную бесѣду
Остатки древней красоты,
И будутъ праздновать «побѣду»
Мѣдноголовые скоты:
Глотая кровь, взойдутъ по грудамъ
Еще дымящихся твердынь
И осквернятъ виномъ и блудомъ
Дома молитвы и святынь...
А мы, не принявъ обороны
Опасно выдвинутыхъ мѣстъ,
Отводимъ стройныя колонны
На Ковно, Гродно и на Брестъ:
Послѣдній мостъ взлетѣлъ кусками,
Упала съ грохотомъ стѣна...
Варшава — брошена войсками,
Но не взята и не сдана.
Бодрѣй, народъ! Повыше лица!
Россіи хмуриться не слѣдь!
Прости, печальная столица,
До нашихъ будущихъ побѣдъ!
Прости и знай о старшемъ братѣ:
Въ борьбѣ скрестившихся мечей
Живая сила Русской рати
Дороже груды кирпичей!

Владиміръ Воиновъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Радъ стараться, ваше благородіе!

Сакраментальная русская фраза: „Пожалуйте въ участокъ — тамъ разберутъ“ потеряла весь свой авторитетъ, потому что нынче и въ участкахъ не разбираютъ...

Самарскій вице-губернаторъ кн. Горчаковъ распорядился выслать изъ Самары и латышей, мотивируя тѣмъ, что они — нѣмецкаго происхожденія. По тѣмъ же мотивамъ высылаются латыши изъ Воронежской губ.

Что говорить — мотивы остроумные и очень глубоко-мысленные.

По тѣмъ же мотивамъ, вѣроятно, губернаторъ пытался говорить съ латышами по-латыни.

Не менѣе тонко и разсудительно.

Русскій экспортъ.

Это дѣлается съ латышами.

А вотъ что дѣлается съ нѣмцами.

Донской депутатъ М. С. Воронковъ получилъ сегодня слѣдующую телеграмму:

„На Восточно-Донецкой дорогѣ продолжается отправка хлѣба на Ригу. Покупаютъ нѣмцы“.

Телеграмма эта депутатомъ была передана министру путей сообщенія.

Можетъ быть, кто-нибудь заинтересуется: почему телеграмма передана путейскому вѣдомству, а не военному?

Соображеніе простое: нужны пути сообщенія, чтобы отправить въ Сибирь и тѣхъ мерзавцевъ, что продаютъ хлѣбъ, и тѣхъ предателей, что покупаютъ.

Матеріаль для отливки пуль.

Въ Москву доставлена мѣдная статуя Бисмарка, вѣсящая 25 пудовъ. Статуя эта была захвачена нашими войсками въ восточной Пруссіи, въ имѣніи императора Вильгельма. Статуя будетъ перелита въ снаряды.

Это будетъ первый случай, когда Бисмаркъ окажется убійственнымъ для самихъ нѣмцевъ.

Слова.

Цитируемъ стенограмму рѣчи П. И. Милюкова въ Государственной Думѣ:

По общему отзыву освѣдомленныхъ лицъ, дореформенная взятка продолжаетъ царить въ нѣсколькихъ вѣдомствахъ, охраняя на манеръ

сказочнаго дракона приступъ къ казенному заказу. Всѣ говорятъ, что въ военномъ вѣдомствѣ нельзя получить заказа безъ взятки (голоса: „Правильно!“), что строгость условій приѣмки заказовъ отпугиваетъ новичковъ, неопытныхъ и въ то же время забронировываетъ отъ публичности дружный кругъ тѣхъ, которые изъ грабежа казны сдѣлали себѣ прибыльную профессію. Высшее управленіе военного министерства перешло теперь въ другія руки, и мои указанія относятся къ порядкамъ, установившимся раньше, но простой уходъ военного министра не удовлетворяетъ ни армію, ни страну (одобрительные возгласы). Этотъ министръ обманулъ Гос. Думу, давъ на ея вопросъ невѣрные свѣдѣнія. (Аплод. „Правильно, — слышатся возгласы, — обманулъ. Подъ судъ, необходимо подъ судъ!..“).

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается...

Въ годъ войны.

„Кубанскій Край“, добру и злу внимая равнодушно, сообщаетъ холодно, спокойно и безъ критики:

„Нашъ Невскій — Романовская улица и вокзалъ 1 класса — вечеромъ 16 іюня были счастливыми зрителями и свидѣтелями необыкновеннаго, почти сказочнаго происшествія. Человѣкъ неизвѣстнаго званія и положенія, но взрослый и съ отличной мускулатурой, прошелся здѣсь невозбранно совершенно голымъ, какъ мать родила, съ достоинствомъ и чинно, среди толпы, возбуждая незлобивый смѣхъ, и направился на вокзалъ.“

Черезъ главный подъѣздъ станціи онъ уже вступилъ въ ярко освѣщенный залъ станціи, намѣреваясь посмотреть на станціонныхъ часахъ, который часъ, какъ былъ наконецъ замѣченъ стражниками и выдворенъ со станціи“.

Рис. Вл. Лебедева.

Чиновникъ (указывая на календарь): — О, мы не такіе легкомысленные, чтобы жить сегодняшнимъ днемъ! Мы живемъ завтрашнимъ днемъ.

Только и всего.

И тут же, вѣроятно, былъ вывѣшенъ новый плакатъ: „Пассажировъ просить въ голомъ видѣ не являться“.

Добродушная страна — Россія: идетъ по людной улицѣ „голый человѣкъ съ отличной мускулатурой“ — и что же: онъ возбуждаетъ только „незлобивый смѣхъ“.

И такъ же спокойно и незлоливо сообщаетъ о подобномъ же случаѣ „Рижскій Вѣстникъ“:

„На-дняхъ на Ганзейской улицѣ, близъ товарной станціи, публикѣ представилось своеобразное зрѣлище. По плацу шла нарядная дѣвушка безъ юбки, несшая юбку на рукѣ. За ней шли другая дама и 2 прилично одѣтыхъ кавалера. Оказалось, что первая побилась со своими собесѣдниками объ закладъ на 10 рублей, что пройдетъ безъ юбки отъ Николаевской улицы до Царскаго сада. Пари она выиграла“.

Главное, конечно, чтобы пари выиграла... Все остальное — вздоръ.

Не дай Богъ, если голый кубанскій человѣкъ и полураздѣтая рижская дѣвица, бродя въ этомъ видѣ по Россіи, встрѣтятся, познакомятся и поженятся другъ на другѣ...

Потому что у нихъ могутъ быть дѣти, и глупость человѣческая, такимъ образомъ, продлится во вѣки вѣковъ...

Извергъ рода человѣческаго.

Добродѣтель торжествуетъ, порокъ (надѣмся) наказанъ:

Распоряженіе самарскаго вице-губернатора о выселеніи бывшаго члена Гос. Совѣта, гласнаго самарскаго губернскаго земства кн. В. А. Кугушева отмѣнено министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Оказывается, кн. В. А. Кугушевъ былъ высланъ въ трехдневный срокъ за то, что, будучи избранъ товарищемъ предсѣдателя мѣстнаго военно-промышленнаго комитета, высказался противъ желанія городской управы отправить соотвѣтствующее постановленіе на утвержденіе губернатора.

Вдумайтесь, читатели: какое страшное преступленіе совершилъ этотъ звѣрь въ человѣческомъ образѣ, князь Кугушевъ и какое мягкое наказаніе примѣнилъ къ нему вице-губернаторъ.

Въ другой странѣ горло свинцомъ залили бы за подобное злодѣяніе!

Бельгійцы острятъ.

Г. Двинскій рассказываетъ въ вечерн. „Бирж. Вѣд.“:

Любопытная исторія произошла съ оперой нѣмецкаго композитора „Кайнъ и Авель“.

Эта опера до начала войны была переведена на французскій языкъ и принята къ постановкѣ въ Брюссельскую оперу.

На вопросъ композитора, когда его опера пойдетъ, онъ получилъ отъ Брюссельскаго театра слѣдующій отвѣтъ:

— Кайновъ у насъ сейчасъ и такъ достаточно, а Авели изгнаны изъ страны.

И (какъ сказано въ одной хрестоматіи) всѣ засмѣялись, а Ваня заплакалъ...

ВЪ ЗООЛОГИЧЕСКОМЪ САДУ.

Рис. А. Р.

Сторожъ: — Чего вы ждете, господа?

Бюрократъ: — Хотимъ выучиться у лебеда пѣть хоромъ лебединую пѣсню.

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ ДИРИЖЕРА.

Въ ресторанѣ было отъ электричества рыжо,
Кресла облиты въ человѣчью мякоть,
Когда обиженный выбѣжалъ дирижеръ —
Приказавъ музыкантамъ плакать.

И сразу тому, который въ бороду
Толстую семгу вкусно несъ —
Труба, изловчившись, въ спокойную морду
Ударила горстью мѣдныхъ слезъ.

И еще не успѣлъ онъ между икотами
Выпихнуть крикъ въ золотую челюсть, —
Его, избитаго тромбонами и фаготами,
Смяли и скакали черезъ.

Когда послѣдній не доплзъ до двери,
Умеръ щекою въ соусъ,
Приказавъ музыкантамъ завять по-звѣри —
Дирижеръ обезумѣлъ вовсе!

Въ самые зубы тушь опоенный,
Втиснулъ трубу, какъ мѣдный калачъ,
Дуль и слушалъ — раздутый, удвоенный,
Мечется въ брюхѣ плачъ.

А когда на утро, отъ злобы не ѣвшій,
Хозяинъ принесъ расчетъ,
Дирижеръ на люстрѣ, уже посинѣвшій,
Висѣлъ и синѣлъ еще...

Вл. Маяковскій.

ОДИНЪ ИЗЪ ДЕСЯТИ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило сдѣлать перемѣненіе десяти губернаторовъ. Послѣдніе, какъ пишутъ газеты, прощаются съ вѣренными имъ губерніями.

Послѣдній изъ десяти посмотрѣлъ на сложенные въ углу чемоданы и вздохнулъ.

— Ты хоть бы женѣ-то сказалъ, куда ѣдешь...

— Женѣ, женѣ... Знаю я самъ-то?

— Должна же я знать?

— А я не долженъ?

— Такъ ты узнай у кого-нибудь... Напиши въ сосѣднюю губернію: можетъ, и тамъ губернатора переводятъ.

— Писалъ. Переводятъ. Тоже на чемоданахъ сидитъ.

— А куда?

— У него хоть опредѣленнѣе. Или въ Нарымскій край, или на Волгу. А, можетъ быть, пишетъ, на югъ.

— Ты полицеймейстера-то спрашивалъ? Можетъ, онъ знаетъ?

— Откуда онъ знаетъ! Что, я политическій ссыльный, что ли, чтобы у него бумага лежала обо мнѣ?!

— Ну, можетъ, слышалъ...

— Пойду, узнаю. Какъ это говорится въ цыганскомъ романсѣ: дай кафтанъ, ужъ полетусь на могилу къ хризантемѣ...

Полицеймейстеръ ничего не зналъ.

— Уѣзжаете? Далеко изволите ѣхать, ваше превосходительство?

Губернаторъ вздохнулъ и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.

— Туда.

— Ага, въ Черниговскую, — вѣжливо догадался полицеймейстеръ, — прекрасная губернія. Многіе одобряютъ.

— Почему вы думаете: въ Черниговскую? — испуганно спросилъ губернаторъ. — Можетъ быть, вы что-нибудь слышали?

— Помилуйте, по вашему жесту...

— Нѣтъ, вы что-то скрываете отъ меня... Можетъ, кто-нибудь въ частной бесѣдѣ...

— Да развѣ бы я смѣлъ?..

— Это я такъ махнулъ. Можетъ, тамъ, Вологодская...

— Вологодская? Замѣчательная губернія. Скоро изволите туда отбыть?

— Можетъ, я и не туда.

— Проѣздомъ, значить... Маленькій вояжикъ...

— Большой.

— Большому кораблю, такъ сказать, большое...

— Такъ вы, значить, ничего не знаете?

— Откуда же, ваше пре...

— Ну, ладно. А я проститься зашелъ.
 — Прщайте, Никодимъ Петровичъ. На кого, такъ ска-
 зать, насъ...
 — Преемникъ будетъ.
 — Разрѣшите справиться?
 — Скажите, а вы сами ничего не знаете?
 — Ваше превосходительство... Откуда же?...
 — Я вѣдь такъ... Думалъ, можетъ, слышали. Кажется,
 высокій такой, брюнетъ. Съ бородкой. До свиданія.
 — Честь имѣю, ваше превосходительство. Какъ прика-
 жете объявить, куда изволите...
 — Вы ужъ какъ-нибудь такъ... Прямо, молъ, потомъ
 налѣво, потомъ снова прямо, потомъ опять налѣво... Еще
 разъ до свиданія.
 На улицѣ губернатору стало грустно.
 — Уѣзжаю, Никита, — вздохнувъ, сказалъ онъ кучеру, —
 завтра...
 — Прикажете утромъ подавать? — поспѣшно обернулся
 кучеръ. — Рыжую подзапречь?
 — Не надо лошадей. Я на поѣздѣ.
 — За городъ изволите? Далеко-съ?
 — Поѣзжай, Никита... Не лѣзь съ разспросами...
 Кучеръ, а лѣзешь...

Около дома губернаторъ вылѣзъ изъ коляски и пошелъ
 чѣшкомъ.
 — Здравствуйте, ваше превосходительство.
 — Прощайте, господинъ Чепруновъ.
 — Извините, что осмѣлился...
 — Я не къ тому сказалъ. Уѣзжаю. Вотъ у васъ мага-
 зинъ, остаетесь здѣсь, а я уѣзжаю...
 — Далекій путь, ваше превосходительство?
 — Далеко, господинъ Чепруновъ. Очень далеко.
 — Осмѣлюсь спро...
 — Шли бы, господинъ Чепруновъ... Мнѣ извѣстна ваша
 торговля... Я не потерплю у себя въ губерніи...

На широкомъ мощеномъ дворѣ губернаторскаго дома не
 было ни души. Только гдѣ-то въ углу рылась въ землѣ ма-
 ленькая, безпомощная курица.

Губернаторъ посмотрѣлъ на нее, покачалъ печально голо-
 вой и еще разъ уныло вздохнулъ.

— Роешься? Ну, ройся, ройся... Сегодня роешься и
 завтра будешь... Тебя не перемѣстятъ... Прощай, братъ,
 курица... Оставайся здѣсь, другому губернатору служи...

У крыльца робко и каменно вытянулся дежурный городовой.

— Здравствуй, городовой...

— Здравія желаемъ, ваше пр-ство.

— Уѣзжаю завтра...

— Такъ точно, ваше пр-ство.

— Почему, такъ точно?.. Развѣ ты что-нибудь знаешь?
 Можетъ, я черезъ двѣ недѣли уѣду?

— Никакъ нѣтъ, ваше...

— Почему нѣтъ? Можетъ, ты что-нибудь слышалъ? Ты
 не смѣешь скрывать: ты — городовой, а я — губернаторъ...

— Не смѣю скрывать...

— Значить, знаешь?..

— Простите, ваше...

— Ну, говори, говори... Ничего не знаешь. Ну, ладно.
 Я тоже ничего не знаю. Прощай... Тамъ курица вотъ въ
 углу роется, такъ ты присмотри за ней, когда я уѣду... До-
 машняя птица... Неизвѣстно, какъ у другого губерна-
 тора будетъ... То-то... На вотъ тебѣ рубль на ея воспи-
 таніе... Бери, бери...

Дома всѣ были разстроены и разсѣяны.

— Шубы-то укладывать?

— Уложи. Для чего онѣ въ Астраханской?..

— А если въ Архангельскую?

— Вынь, пожалуй. Лѣтнее уложи.

— А какъ безъ лѣтняго въ Ярославскую?

— А что я съ нимъ въ Омской?..

Становилось темно. Пили чай. Ужинали. Губернаторскій
 домъ проглотила темнота, и только въ одномъ окнѣ, черезъ
 темную занавѣску пробивалась полоска свѣта. Послѣдній изъ
 десяти сидѣлъ надъ картой и, закрывъ глаза, тыкалъ куда-то
 пальцемъ.

— Эхъ, ты, — уныло шепталъ онъ, — гадай — не гадай,
 третій разъ Вологодская выходитъ...

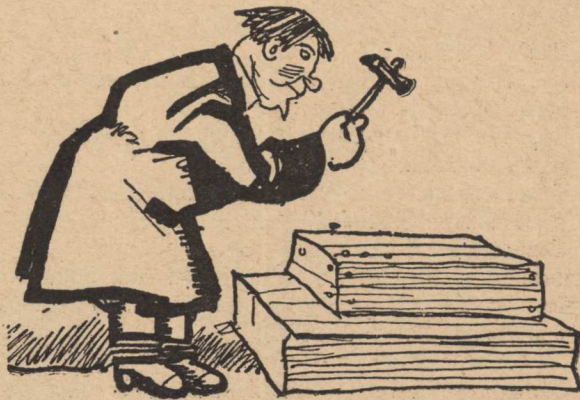
А около запертой двери толстый человѣкъ съ бакенбар-
 дами и въ ливреѣ убѣждалъ кого-то подождать внизу.

— Докладъ, докладъ... Ничего ему не сдѣлается. Не
 мороженое, не растаетъ... А полицеймейстеру такъ и скажи:
 гадаютъ-съ...
 Л. Аркадскій.

КУПЕЦЪ ИДЕТЬ.

„Гучковъ назначается предсѣдателемъ во-
 еннопromышленнаго комитета по оборонѣ“.
 (Изъ газетъ.)

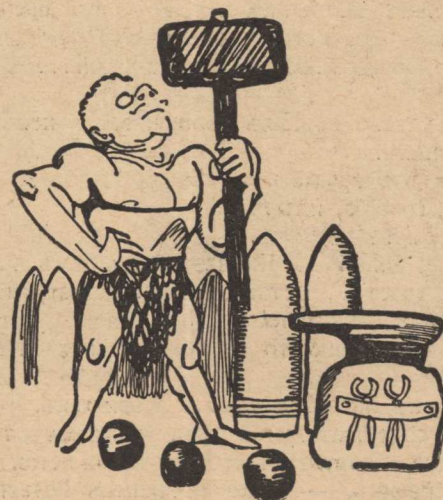
Рис. А. Радакова.

Ихъ дѣдушки и папеньки молоточкомъ ящики съ товаромъ за-
 колачивали. Понемногу колупайствовались, понемногу разувайствовались.
 Времена ужъ были такія!

А потомокъ ихъ, Гучковъ, Александръ Ивановичъ, ужъ въ
 1911 году въ Государственной Думѣ молоточкомъ по гвоздику стукали,
 чтобы портретъ его превосходительства повѣсить; стучалъ усердно,
 упражнялся. Видно, чуюло сердце..

А теперь! Теперь Александръ Ивановичъ въ Вулканы вышелъ!
 Молоткомъ обзавелся огромнѣйшимъ. Дай Богъ ему здоровья! Руки
 его больше къ молотку привыкли, чѣмъ руки господъ, которые вѣка-
 ми въ канцеляріяхъ перышкомъ водили.

Н О В О Е Л И Ц О .

Когда на трибунѣ показался Чхеидзе и открылъ ротъ, съ послѣдняго мѣста на крайней правой кто-то тихо и болѣзненно взвизгнулъ:

— Володя... Владиміръ Митрофановичъ...

Пуришкевичъ оторвался отъ какой-то бумаги и повернулъ голову.

— Ну?

— Тамъ Чхеидзе...

— Ну, что же?.. Вижу. Я уже здоровался съ нимъ.

— Онъ говорить хочеть...

— Развѣ? Ага, спасибо. Послушать надо...

— Какъ послушать?.. А мы-то?

— Тоже слушайте. Можетъ, человѣкъ дѣло скажетъ.

— А за нимъ Керенскій выльзеть.

— Серьезно? Я поближе сяду...

Человѣкъ съ послѣдняго мѣста обиженно покачалъ головой, сѣлъ глубже въ кресло и побарабанилъ пальцами.

— Владиміръ Митрофановичъ!

— Ну? Что тебѣ?

— Слова-то какія... Единеніе, общіе интересы, народъ...

— А какъ же безъ единенія, голубчикъ?.. Время не такое. Работать — такъ всѣмъ... Общее дѣло... Всѣ должны подняться.

— Володя, — испуганно охнулъ человѣкъ съ послѣдняго мѣста, — это ты сказалъ или онъ, насчетъ общаго дѣла?..

— Я сказалъ. Не мѣшай.

— А можетъ, это онъ сказалъ, Володя? Можетъ, ошибся я?..

— Я тебѣ говорю, что я сказалъ. Сиди и слушай.

— Да ты на него-то посмотри...

— Ну, смотрю. Похудѣлъ онъ немного лѣтомъ... Человѣкъ трудъ любить, работалъ...

— Володя... Лицо-то у него какое...

— Какое еще тамъ?

— Инеродческое, Володя. Душа у меня кипить.

— А чего ей кипѣть? Инеродецъ — и ладно... Дѣло общее...

— Общее? — обиженно переспросилъ депутатъ. — Значить, выходить, что и ты общій, и Чхеидзе общій, и Гегечкори, и Милоковъ?.. Всѣ общіе?..

— Время, братъ, такое... Россія...

— Можетъ, ты шутишь, Володя? — робко переспросилъ тотъ. — Засѣданіе, а ты шутишь...

— Пошелъ ты... Не мѣшай...

Онъ съ шумомъ развернулъ газету и заерзалъ подъ пюпитромъ ногами.

— Володя... А Володя... Володечка...

— Ишь ты присталъ, какъ банный листъ... Ну, чего тебѣ?..

— А если онъ жидъ?

— Кто?

— Да такъ, вообще. Тоже общее дѣло?

— Я, братъ, ихъ на войнѣ видѣлъ...

— Володя, можетъ, ты пугаешь меня... Ты ужъ не томи...

— Отстань. Дай послушать... Bravo, bravo, Чхеидзе!.. Вѣрно... Долой, долой ихъ... Къ чорту нѣмцевъ...

— Братцы, — радостно заволновался депутатъ, — нашъ поперъ... Поддерживай... Да-а-дой... Улю-лю... У-ыхъ...

Родзянко устало поднялъ голову, взялъ колокольчикъ и лѣниво позвонилъ.

— Депутатъ Шарыгинъ... Въ чемъ дѣло?

— Долой, говорю, ихъ...

— Кого долой?

— Вообще, долой... Чхеидзе вотъ тамъ... Пуришкевичъ кричитъ тоже... Встань, встань, Володя, скажи имъ...

Пуришкевичъ хмуро посмотрѣлъ на него, всталъ съ мѣста, подошелъ къ трибунѣ и, вѣжливо поклонившись, сказалъ:

— Господинъ предсѣдатель... Извиняюсь, что во время прекрасной и содержательной рѣчи уважаемаго товарища по работѣ Чхеидзе, я допустилъ себя до такой нетактичности...

— Пуришкевичъ, — тихо произнесъ Родзянко, наклоняясь съ предсѣдательскаго мѣста, — можетъ, вы что-нибудь хотите сказать такое, такъ не надо... Такое время...

— ... До такой нетактичности, — твердо продолжалъ Пуришкевичъ, — что позволилъ себѣ словами восхищенія

перебить уважаемаго оратора фракціи социаль-демократовъ... Больше я не буду.

На кадетскихъ креслахъ что-то зашумѣло, задвигались пюпитры, и блѣдный Милоковъ, вставъ, дрожащимъ голосомъ спросилъ предсѣдателя:

— Господинъ предсѣдатель, что онъ хочеть этимъ сказать? Отъ имени фракціи я требую, чтобы...

— Я не знаю, — растерянно прошепталъ Родзянко. — Честное слово, я не знаю...

Пуришкевичъ обернулся и съ улыбкой поклонился Милокову.

— Ахъ, Павелъ Николаевичъ, — радостно всплеснулъ онъ руками, — какъ я радъ, что вижу васъ здѣсь... Вы разрѣшите мнѣ пожать вашу руку?..

Двое товарищей Милокова взяли его подъ руки и подвели къ трибунѣ.

— Мужайтесь... Теперь историческое время...

— Здравствуйте, Владиміръ Митрофановичъ...

— Павелъ Николаевичъ... Многоуважаемый Павелъ Нико... Э, да что тутъ говорить... Руку, Паша...

Родзянко отвернулся въ сторону и смахнулъ платкомъ что-то съ глаза.

Гдѣ-то въ уголкѣ Аджемовъ бился головой о пюпитръ.

* * *

Въ кулуарахъ депутаты шептались большими группами. Журналисты не знали, что имъ дѣлать.

— Владиміръ Митрофановичъ!

— Я. Что скажете?..

— Я... то-есть... Однимъ словомъ, наша газета...

— Гдѣ пишете?

— Я, собственно, отъ «Рѣчи»...

— А какъ же, какъ же... Знаю, знаю... Гессенъ тамъ и другіе... Славная газетка... По еврейскому вопросу тамъ у васъ хорошо... Читалъ вчера...

Журналистъ захопнулъ блокнотъ, прислонился къ стѣнѣ и засталъ.

— Не могу... Нервы не выдерживаютъ. Дурно...

Пуришкевичъ мягко улыбнулся, похлопалъ его по плечу и отошелъ въ сторону.

— Ничего не понимаю, — прошепталъ онъ, — чего это они...

* * *

Вечеромъ Пуришкевичу позвонилъ депутатъ Уховертъ.

— Владиміръ! Какъ же это, братъ?..

— Что какъ?

— Поведенье-то? Продался, братъ?..

— Кому, Уховертище?.. Нѣмцамъ?

— Да ужъ кому-то. Не безъ этого. Все у тебя общее, дѣло общее, интересы общіе...

— Милый ты мой... Время-то какое? Историческое...

— Историческое... Значить, тебѣ и эдекъ историческій, и жидъ историческій, и Милоковъ историческій...

— Всѣ, братъ, русскіе... У всѣхъ одно...

— Газеты-то ты сегодня читалъ?

— Ну, читалъ, а что?.. Что? Не ругаютъ? Кого? Меня? А за что ругать? Раньше? Ругали, ну, что же... Что продался? Кому? А ну тебя къ чорту...

* * *

Когда на другой день Пуришкевичъ ѣхалъ въ Думу на трамваѣ, противъ него сидѣла какая-то дама съ мальчикомъ. Она внимательно осмотрѣла депутата и что-то зашептала на ухо мальчику. Мальчикъ повернулся къ ней и кивнулъ головой.

— Подай дядѣ ручку, — услышалъ Пуришкевичъ, — шаркни ножкой и подай... Это добрый дядя, подай, подай, милый...

Пуришкевичъ вскочилъ съ мѣста, выбѣжалъ изъ вагона, сѣлъ на тумбу и закрылъ лицо руками.

— Боже Ты мой! — всхлипывалъ онъ, — люди-то, люди какіе!.. Россія-то, Россія-то какая... А я-то раньше... Дядѣ, говоритъ, ручку подай... А лицо-то у самой доброе, да милое... Да что тамъ милое!.. прямо инородческое, такъ въ душѣ и остается...

Арк. Буховъ.

ШАНСОНЕТНЫЙ ДУХЪ.

Болгарія: — Ну, дѣточка, ты мнѣ всю прическу растрепалъ. Простите, господа, мнѣ на минуточку нужно пойти въ сосѣдній кабинетъ, тамъ меня тоже ждутъ!

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Идетъ по улицѣ старый человѣкъ. Наткнулся на ломовика, выносящаго пианино, упалъ...

Всѣ смѣются.

Всѣмъ смѣшно, кромѣ бѣднаго старика...

Такой же инцидентъ произошелъ и съ А. Заринымъ, печатавшимъ свой романъ въ „Петроградской Газетѣ“.

Печатался, печатался этотъ романъ (хорошъ онъ или дуренъ — другой вопросъ), хлопотали, суеились герои, совершали благородные поступки, продѣлывали подлости и вдругъ — на срединѣ романа три строки:

„Говорить больше нечего.

Шайка Шудрова была переловлена, и всѣ понесли заслуженное наказаніе.

Конецъ“.

Неприхотливые читатели „Петрогр. Газеты“ только что разлакомились (какъ это, дескать, уличать подлаго разбойника?...) вдругъ — конецъ. Почему? Что? — недоумѣваетъ непритязательный читатель.

Вышелъ человѣкъ на эстраду, сталъ пѣть... Послѣ второго куплета подходитъ распорядитель и засовываетъ ему въ ротъ свертокъ нотъ:

— Довольно! Будеть.

Теперь въ газетахъ появилось письмо А. Зарина:

М. Г., г. Редакторъ!

По поводу инцидента, происшедшаго съ моимъ романомъ въ „Петроградской Газетѣ“, мною получены какъ отъ читателей, такъ и отъ товарищей по литературѣ письма съ выраженіемъ сочувствія и съ требованіемъ разъясненія.

Не имѣя возможности отвѣтить каждому лично, приношу всѣмъ свою благодарность черезъ посредство газеты. Что же касается разъясненій, то я откладываю ихъ до пріѣзда въ Петроградъ постоянного редактора газеты г. А. К. Гермоніуса.

А. Заринъ“.

Можетъ быть, у временнаго редактора „Петрогр. Газеты“ просто хорошій, утонченный вкусъ, и онъ возмущился этимъ детективнымъ романомъ. Можетъ быть, этотъ романъ безграмотенъ, бессмысленъ?

Тогда почему въ томъ же номерѣ газеты появляются такіе странные, чтобы не сказать больше — стихи:

„Ксендзы и прелаты
За нѣмецелюбовь
Попали въ солдаты,
Чтобъ литъ нѣмцевъ кровь.
И скинувъ сутаны,
Коль вѣрить молятъ,
Жильцы Ватикана
Вдругъ подняли съ В...
Да какъ имъ не плакать:
Грозитъ имъ, вѣдь, съ Б.
Въ душу — дождь и слякоть,
Проклятъя судьбъ“.

Такие стихи сочиняются очень просто: разсыпается по полу газетный наборъ и потомъ собирается, какъ попало.

ПРИЗЫВЪ.

Ваши страсти мелкомонетны,
У вашей ненависти вершковый ростъ,
А я призываю кратеръ Этны
Зарядить миллиардомъ бесполезныхъ звѣздъ!

Что эти звѣзды? Въ честь ихъ довольно
Семиструнить на гитарѣ пошлый романсъ,
Уже довольно вздыхать бемольно,
Въ марто-кошачій впадая трансъ.

Стрѣляйте изъ Этны и будьте грозны,
Звѣзды достойная человѣка картечъ.
Или вы до сихъ поръ вено-склерозны
И нуженъ вамъ случая предательскій мечъ?

Мѣсячный серпъ я вижу на тверди,
Не все же служить ему рижой для вербъ, —
Прикрѣпите его къ необыкновенной жерди,
Пусть косою смертельной станеть мѣсячный серпъ.

Г.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РЪЧИ П. Н. ДУРНОВО
ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ.

П. Н. Дурново.

„Что мы дѣлали и какъ мы себя вели со времени начала войны? Мы не утратили ни одной изъ нашихъ дурныхъ привычекъ и попрежнему, среди громадныхъ вороховъ бумаги все время искали и не могли найти, гдѣ же та Россія, которая ведетъ войну съ громадной силой непріятели. виноваты всѣ мы, грамотные русскіе, и чѣмъ больше грамотны, тѣмъ больше виноваты. Не стану искать наибольше виноватыхъ, но замѣчу, что мы боялись приказывать, и вмѣсто приказаній писали циркуляры, которыхъ никто не понималъ и которые имѣли уклончивое содержаніе. Сочинялись и опубликовывались законы, которые никому не были ясны и которые мало кто читалъ. А въ это время власть постепенно незамѣтно переходила изъ слабыхъ рукъ въ такія руки, которыя тверды, но гдѣ быть власти совсѣмъ не подобаетъ. Нужно бросить перья, чернила и всѣхъ чиновниковъ изъ канцелярій, которые пишутъ циркуляры и составляютъ законы, и послать на войну. Такимъ образомъ можно будетъ выучить молодыхъ начальниковъ, какъ повиноваться и какъ приказывать, а то они не умѣютъ ни того, ни другого. Я вспоминаю изъ своей службы, когда меня назначили 10 лѣтъ тому назадъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Вы не повѣрите, меня не слушались, открыто не слушались, потомъ стали слушаться. Надо всѣхъ наказывать строжайшимъ образомъ, тѣхъ, которые изъ страха сошлются на какой-нибудь циркуляръ, а не распорядятся сами. Когда пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ такого режима, тогда настанетъ время, что можно будетъ проводить реформы. Простите меня, что я высказалъ такъ откровенно свою мысль“.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

Б. Москва.

Автору стих. „Неврастеникъ“. — Не подошло.

В. Провинція.

Ст. Лиски. Е. Клоповскому. Осташковъ. Ѳ. Нус'у. Кисловодскъ. Аскольду. Вѣщину. Кимры. И. А. Ч. Садко — Все присланное не подошло.

Аве.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ № „НОВ. САТИРИКОНА“

„О ВЗЯТКѢ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ВЫТЯЖКА

ИЗЪ

СЪМЕННЫХЪ

ЖЕЛЕЗЪ

лаборатори

Д. КАЛЕНИЧЕНКО

ПРИМѢНЯЕТСЯ ПРИ:

Неврастении, истерии, невраль-
гии, старческой дряхлости, ма-
локрови, подагрѣ, артероскле-
розѣ, хронич. разстройствѣ
питанія, общей слабости отъ
тяжкихъ болѣзней и проч.

Отпускается изъ аптекъ по рецеп-
тамъ врачей.

Вытяжка изъ сѣменныхъ
железъ изготовляется есте-
ственнымъ путемъ.

Гг. врачамъ сѣменная вы-
тяжка лаборатори Д. Кале-
ниченко для наблюдений вы-
сылается **БЕЗПЛАТНО.**

ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНЮ
БЕЗПЛАТНО.

Одинъ флаконъ сѣменной
вытяжки въ продажѣ 2 р. 50 к.,
пересылка — 40 к., пересылка
свыше одного флакона —
БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: Органотерапевти-
ческая лаборатория Д. Ка-
лениченко, Москва, Козлов-
скій пер., д. 10, кв. 290.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ
Новѣйшее средство „**SALO-
ПИЧИЛИНЪ**“
дѣйствуетъ быстро и считается
рациональнымъ средствомъ. Настав-
леніе при коробкѣ. Настоящій толь-
ка въ метал. коробкѣ по 1 р. и по
1 р. 80 к.
Одинаково хорошо дѣйствуетъ
въ острыхъ и хроническихъ слу-
чаяхъ и въ короткое время устраи-
ваетъ самыя упорныя истеченія.
ДЕПО: Петроградъ, Разъѣзжая
ул., 7, аптека Б. Конгейма.
Продается во всѣхъ аптекахъ по
рецептамъ врачей. (27-ч. в.)
SALO—ПИЧИЛИНЪ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬБОМЫ РИСУНКОВЪ ДЛЯ РЕМЕСЛЕННИКОВЪ.
Мотивы мебели въ новомъ стилѣ 20 разн. вып. — Мотивы драпировокъ и мягкой
мебели 12 разн. вып. — Мотивы рѣзбы по дереву 5 разн. вып. — Мотивы токар-
ныхъ работъ 4 разн. вып. — Мотивы кузнечно-слесарн. раб. 16 разн. вып. — Мо-
тивы столярно-плотнич. раб.: оконъ, дверей, воротъ 10 разн. вып. — Трафареты
дерев. выпил. въ русскомъ стилѣ 8 разн. вып.
Цѣна каждаго вып. — 60 к. Съ перес. 6 вып. — три рубля.
Высылаетъ техническій книжный складъ М. ПЕТРОВА.
Петроградъ, Б.-Подъяческая ул., 19. ✦ Москва, Волхонка, 1 уг. Знаменки.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !
ПРОВИЗОРЪ
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ,
УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ И ЖЕЛТЫХЪ
ПЯТЕНЪ.
БЛАГОУХОДНОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
1/2 к. 50 к. 1/2 к. 30 к.
Золотая медаль — Лондонъ, 1893 г.
Главный складъ у Г. Ф. Юргенсъ, Москва.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Обложка худ. РЕ-МИ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ОСИНОВЫЙ КОЛЬ

на могилу зеленого змія.

СОДЕРЖАНІЕ:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

„Осиновый коль“.

- 1) Плачь на могилѣ.
- 2) Барельефъ на могилѣ.
Иллюстраціи Ре-ми.

АРКАДІЙ БУХОВЪ.

Всемирная исторія пьянства.

- 1) Доисторическое время.
- 2) Древній Миръ.
- 3) Средневѣковье.
- 4) Московское княжество.
- 5) Новая исторія.
- 6) Недавнее время.
- 7) Эпоха запрещенія.
Иллюстраціи Ре-ми.

ИСИДОРЪ ГУРЕВИЧЪ.

Алкоголизмъ и медицина.
Трезвая Россія (Прогнозъ будущаго).
Деревня.
Городъ
Иллюстраціи В. Лебедева.

А. РОСЛАВЛЕВЪ.

Пьяныя стихотворенія.

Часы.
Бѣлая горячка.
Иллюстраціи В. Лебедева.

ТЭФФИ.

Мысли и воспоминанія.
Иллюстраціи А. Радакова.

АРКАДІЙ БУХОВЪ.

Какъ мы пили.
Безъ нея.
Когда-то.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

Сухой праздникъ (Нео-Рождественскій
разказъ).
Гипнотизмъ (Очеркъ).
Непонятное
Иллюстраціи Ре-ми.

Цѣна 1 р. 25 к.

В. В. РОЗАНОВЪ О НѢМЦАХЪ (прежде и теперь).

(Отъ редакціи: Ни одного слова въ подписяхъ редакція не прибавила. Все это писалъ и пишетъ самъ г. Розановъ.)

Въ настоящее время В. Розановъ пишетъ:

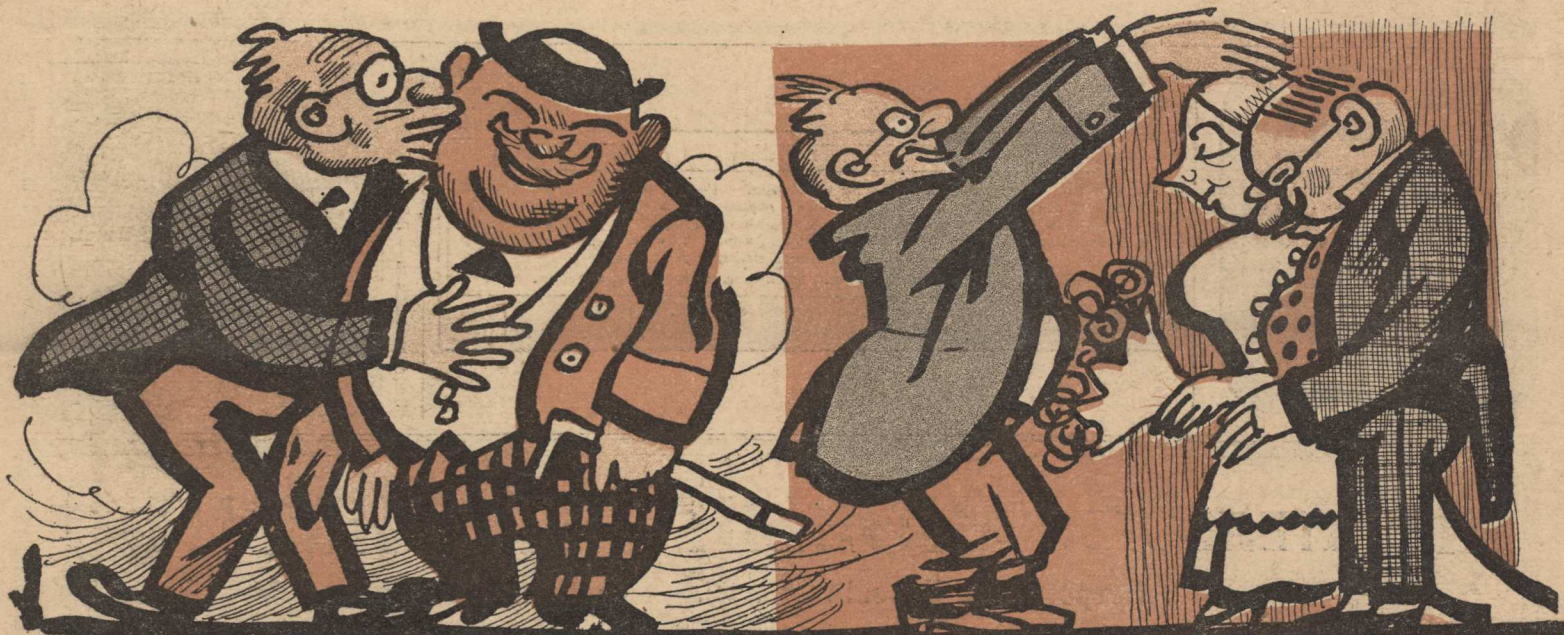
Рис. А. Радакова.

„Техника, машины — остались; духъ, поэзія, философія — угасли; производство — великолѣпно, производители — омерзительны. На насъ лѣзутъ, на всю Европу полѣзли великолѣпно вооруженные мошенники“.

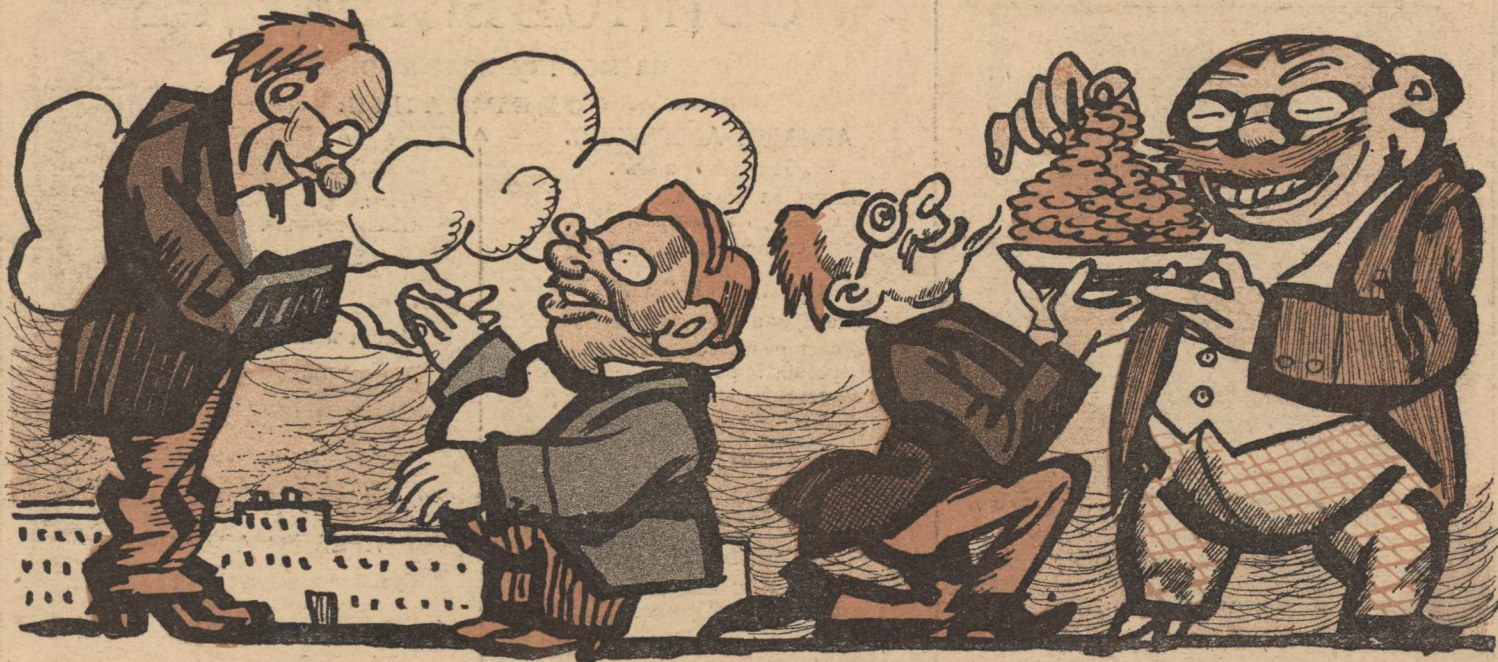
„Вы со своимъ Моммзенемъ представляете огромную массу тѣхъ чугуныхъ головъ, въ когорыхъ мысль пробудится лишь разъ, когда онѣ больно ушибутся“. И т. д. и т. д.

До войны В. Розановъ писалъ:

„Просто — чрезвычайно пріятно быть другомъ или пріятелемъ этого добпорядочнаго люда“. („Итальянскія впечатлѣнія“, 301 стр.)

„Ни за кого я съ такою охотой не выдалъ бы замужъ свою дочь, какъ за нѣмца, и ни на комъ бы не женилъ съ такимъ удовольствіемъ своего сына, какъ на нѣмкѣ.“ (305 стр.)

„Хотя я и не политикъ, и ни за союдами, ни за распрями внимательно не слѣжу, но никогда мысль о союзѣ не билась мнѣ такъ упорно въ голову, какъ здѣсь, среди берлинской уличной толпы. Честно пожать руку этихъ честныхъ людей, этихъ добросовѣстныхъ работниковъ — значить сразу вырасти на нѣсколько аршинъ кверху.“

„Характеръ императора Александра I стоитъ конституціи“ — говорили въ первое десятилѣтіе XIX в. Но, ей-ей, вотъ нѣмецкій характеръ, какъ его дала человечеству ихъ специальная нѣмецкая исторія, все ихъ прошлое — это, въ самомъ дѣлѣ, „стоитъ конституціи“, стоитъ подписаннаго договора, и, словомъ, какъ угодно пропишите цѣнность вещи своими словами, но сохраните ту мысль, — что „нѣмецкій характеръ стоитъ золота“. (300 стр.)